

БОРИС ВАСИЛЬЕВ

КАЖЕТСЯ,
СО МНОЙ
ПОЙДУТ
В РАЗВЕДКУ

Борис Васильев

**Кажется, со мной
пойдут в разведку**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Васильев Б.

Кажется, со мной пойдут в разведку / Б. Васильев —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

«Кажется, со мной пойдут в разведку» Проза Бориса Васильева всегда воспринималась читателями как глоток свежего воздуха. Не стала исключением и повесть «Кажется, со мной пойдут в разведку», которая увидела свет незадолго до начала горбачевской перестройки.

Как всегда, автору удалось талантливо, тонко, с иронией описать умонастроение всех слоев общества в последние годы застоя.

© Васильев Б.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Борис Васильев

Кажется, со мной пойдут в разведку

1

– Проклятушая у нас работа, – позевывая, говорит Федор. – Ни тебе отгулов, ни тебе двух выходных. Каторга!..

Он лениво переворачивается, подставляя солнцу могучую грудь, густо заросшую упругим ржавым волосом. Под левым соском видна чуть расплывшаяся наколка: орел, терзающий голую женщину. И надпись: «Не забудь Севастополь. 1960 год».

Мы лежим на берегу тихой, задумчивой речки. Купаемся, жаримся на солнце, дремлем и снова купаемся до синевы. Жарились вчера, жаримся сегодня, и неизвестно, сколько суток нам предстоит еще жариться на этой сонной речушке.

Вездеход, который мы испытываем, третьего дня ушел на завод: потекло масло из вентилятора. На базе остались вещи, горючее, запчасти. Никто на них не покушается, но для порядка решили держать караульчиков, и выбор пал на второй экипаж. Второй экипаж – это мы: Федор и я. Федор – водитель, я у него на побегушках, хоть и числюсь по ведомости слесарем. Правда, оставался с нами еще Славка – третий член экипажа, помощник Федора. Но не успела осесть пыль, поднятая вездеходом, как Славка, подмигнув Федору, торопливо зашагал к речке: на том берегу, прямо от воды, начинались огороды деревни.

– Куда это он? – удивился я.

– К бабе, – лениво пояснил Федор. – Баба у него в деревне.

Когда при мне говорят «баба», я оглядываюсь, нет ли вблизи женщин. Оглянулся я и тогда, но вокруг не было ни души, только приبلудный пес Фишка задумчиво искал блох. Вот с того дня мы и валяемся на берегу втроем: я, Федор и Фишка. Славка как ушел, так и сгинул: там, конечно, интереснее, чем у нас...

– Труд есть необходимость, – вдруг изрекает Федор. – Так, что ли, Москвич?

Москвич – это я. Обычно Федор зовет меня по имени: Генкой, но когда хочет позлить, прибегает к ироническому: «Москвич». Сначала я очень сердился, когда меня так называли, а потом сообразил, что надо терпеть. В моем присутствии все только и делали, что под разными предлогами поносили эту машину.

– Ну, объясни: труд – необходимость или обходимость?

– Ну, необходимость...

– Значит, блох кормить ты по необходимости прибыл? – лениво продолжает он.

Он все делает с этакой артистической ленцой: лениво говорит, лениво переворачивается на другой бок, лениво ест, спит, пьет, работает. Точнее, это не лень: это расчетливое отсутствие торопливости.

А блох действительно уйма. То ли их поставляет Фишка, то ли они размножаются в геометрической прогрессии. Первое время я не мог спать, но потом меня научили класть под себя полынь: блохи, оказывается, ее терпеть не могут...

Я молчу. Молчу изо всех сил.

– И какая у тебя была необходимость рвать когти от папы с мамой, не понимаю. Пользы от тебя, как от Фишки, а разговоров!.. «Мы – строители коммунизма! Мы – добровольцы. Мы – молодые энтузиасты. Мы, мы, мы!..» Вот и мыкайся теперь, товарищ идейный слесарь. Мыкайся и воображай, что без тебя всем нам будет сквозная дыра.

Ну, что я могу ему сказать? Что весь десятый класс мы до хрипоты спорили, как жить дальше? Что тираж «Комсомолки» раскупается в две минуты? Что хочется уважать себя не только за пятерки в аттестате? У Федора на все один ответ:

– Мало отцы ремней излохматили о ваши задницы, энтузиасты. Мало!..

А меня отец вообще никогда не бил. Только страдал, когда я что-нибудь выкидывал. Страдал, страдал, а потом сгинул. И остались мы с мамой и с Наташкой: ей тогда только-только год исполнился...

– Если бы тебя на БАМ занесло или, скажем, на Нурекскую ГЭС, я бы понял, – продолжает Федор, не обращая внимания на мое упорное молчание. – Там – передний край, газеткой пахнет, слава опять же. А у нас, друг милый, работенка незаметная: мотай километраж, пока не посинеешь, да дефекты строчи в ведомость. Однако ты почему-то к нам завернул. Соображения у тебя какие были или так, от легкости ума?

Интересно, сколько дней он будет потешаться, если я расскажу, каким образом оказался здесь?...

Я ехал совсем в другую сторону. Ехал, выдержав мамины слезы после того, как срезался на приемных экзаменах в МЭИ.

Но маме-то я не сказал, что сознательно срезался: с той поры, как отец ушел, она отказалась от алиментов и волокла нас с Наташкой на одну зарплату. А Наташка – почти артистка, ей учиться надо, все говорят. А у меня нет никакого таланта, я и поработать могу, чтоб маме полегче было и чтоб Наташка во ВГИК могла поступить. Вот я и наврал, что срезался. Тогда списались с дядькой, купили мне билет, нагрузили до отказа советами и сунули наконец в купе до Новосибирска.

Попутчиков было двое: молодой парень и невероятно интеллигентный старичок в золотых очках. От парня пахло пивом, и мама начала обстоятельно разяснять старичку, как нужно приглядывать за мной.

Как только поезд тронулся, старичок надел домашнюю куртку и ушел в соседний вагон играть в преферанс. С той минуты мы видели его только по ночам: он являлся ровно в половине двенадцатого, а утром, наскоро проглотив чай, удалялся «доигрывать пульку». В этом постоянстве было что-то мистическое, и все относились к старичку с огромным уважением.

А мы с парнем до Ярославля проторчали в коридоре у открытого окна. Парень оказался офицером. Он возвращался из отпуска и говорил только о подводной охоте. Перед Ярославлем он похлопал по карманам, извлек рубль и послал меня на вокзал за сигаретами.

Когда я вернулся, я увидел ее. Увидел в самый невыгодный для женщины момент: в момент какой-то удивительно сосредоточенной раздраженности. Лейтенант только что водрузил ее чемодан наверх и повернулся к ней с улыбкой, с которой принято заговаривать с молодыми женщинами. Она равнодушно посмотрела на него и обратилась ко мне:

– Это ваше место? – Глаза у нее были шоколадные. Я никогда не встречал глаз такого цвета и такой бездонной глубины, онемел и едва успел кивнуть, как она заявила: – Вам придется уступить его мне.

Я молча перетащился на этаж выше. Проводница принесла белье, и новая пассажирка принялась стелить постель с таким ожесточением, что мы сразу вышли в коридор. Лейтенант закурил, протянул пачку мне:

– Н-да, очаровательное создание...

Почему-то я закурил тоже. Закурил третий раз в жизни, держа сигарету, как свечку. Пассажирка выглянула в коридор:

– Дайте закурить.

Лейтенант с неестественной торопливостью шелкнул зажигалкой. Женщина прикурила, вернулась в купе и села возле столика.

Мы молча стояли у окна: лейтенант спиной, а я боком к полуоткрытой двери. Я смотрел в окно, но уголком глаза все время видел ее. Она достала книгу, положила на столик и закинула ногу на ногу. Узкая юбка натянулась, соскользнув с круглого колена, но она не заметила. Сидела, глядя в книгу отсутствующими глазами, держала сигарету кончиками пальцев, и я сразу догадался, что курить она не умеет. Вдруг она повернула голову, и я увидел слезы на ее лице. Я невольно вздрогнул, а она, вскочив, с лязгом захлопнула дверь...

Утром я проснулся от незнакомого звонкого голоса:

– Подъем, юноши!.. – Она стояла в дверях, сунув руки в карманы халатика, и... улыбалась. – Пять минут на одевание! – скомандовала и закрыла дверь.

Мы молча смотрели друг на друга.

– Н-да... – Лейтенант поскреб затылок. – Женщины, брат, – существа непостижимые.

В этом вопросе я мог опираться только на семнадцатилетний опыт жизни с мамой и тринадцатилетний – с Наташкой и поэтому промолчал. Мы пошли умываться, а когда вернулись, на столике стояли шесть стаканов с чаем.

– Доставайте провизию, у кого что есть, – сказала она. – У меня нет ничего, но зато я буду за вами ухаживать.

Уничтожая мамины пирожки, мы узнали, что пассажирку зовут Владленой Ивановной...

А потом лейтенант встретил однополчанина и надолго перекочевал в другой вагон. Мы остались одни. Выбегали на станциях пить фруктовую воду, покупали семечки и поразительно невкусный шашлык, нанизанный на рубленые топором лучины. Где-то за Кировом ей пришлось в голову раздобыть вареной картошки и огурцов. Мы раздобыли и долго бежали по перрону за последним вагоном.

Я почти не говорил, только смеялся, большей частью невпопад. Зато она болтала за двоих, и скоро я узнал, что она инженер, ездила в Ярославль в командировку, а сейчас возвращается на завод. Узнал, что резина на катках вездехода никуда не годится, что вентилятор еще не отработан, что мотор перегревается на тяжелых грунтах, что... Словом, я узнал все, кроме того, что случилось в Ярославле и почему она плакала вчера вечером.

По-моему, потом я уже ничего не соображал. Я смотрел в ее шоколадные глаза, слушал, как бьется мое сердце, и думал, что такой красивой женщины я никогда еще не встречал. Даже знаменитая Ирка из 9-го «Б», в которую была влюблена вся школа, теперь казалась мне просто смазливой ломакой.

Пришел лейтенант. Он страшно радовался, что едет в гражданском и может плевать на патруль. Спать он не желал, но Владлена все-таки уложила его. Мы с нею вышли в коридор и, вероятно, простояли бы там до утра, если бы проводница не предупредила Владлену:

– Через час ваша остановка.

– Жаль, – сказала Владлена и пошла в купе укладывать вещи, а я остался.

Я ни о чем не думал. Просто слушал, как стучат колеса, и смотрел в темноту, подставив лоб ночному ветру. Было очень грустно и тревожно, и я чувствовал, что сейчас сделаю либо непоправимую глупость, либо шаг навстречу счастью. Я прошел в купе и снял сверху два чемодана: ее и свой...

Поезд ушел. Мы стояли на маленькой, скудно освещенной платформе. Было два часа пятнадцать минут.

– Если бы ты был хоть на пять лет совершеннее, я бы, пожалуй, влюбилась в тебя, – сказала Владлена. – Пойдем в зал: первый автобус на завод только в пять утра...

Прошел месяц, и вот я лежу на горячем песке рядом с опытейшим водителем завода. Он хороший парень, и я готов терпеть его насмешки. Готов не спать ночей или валяться на песке, когда вездеход отправляют на ремонт. Готов жевать черствый хлеб, запивая водой, когда «мотают километраж» и нет времени даже на то, чтобы перекусить в какой-нибудь при-

дорожной забегаловке. Готов махать кувалдой до оранжевых кругов перед глазами, соединяя тяжелые траки гусеницы. Ко всему этому я подготовился, когда стоял один в коридоре вагона и слушал, как стучат колеса. Но к одному я оказался не готов – к тому, что я и Владлена будем работать на расстоянии двухсот километров друг от друга: она осталась на заводе, а меня сразу же послали на испытания...

Фишка поднимает лохматые уши. Пес он деликатный и никогда не позволит себе залазить, если хозяева молчат. Только поднимает уши и чуть слышно ворчит.

Я тоже прислушиваюсь: из-за кустов доносятся неразборчивые голоса. Федор садится, обняв голые колени.

– Кто-то пожаловал. Поинтересуемся?

Не ожидая ответа, он встает и, пригнувшись, идет к кустам. Он умеет ходить так, что не дрогнет ни одна ветка. Фишка бежит впереди, прижав уши и оглядываясь. Я поднимаюсь, когда оба скрываются в кустах.

Я хожу, как всякий нормальный городской житель: спотыкаюсь на ровном месте и цепляюсь за кусты. Исцарапавшись и вдоволь наломав веток, выдираюсь наконец на простор.

Противоположный берег скрыт песчаным косогором. Мне не видно, что там происходит, но голоса слышны отчетливо: молодые девичьи голоса. Федор лежит на вершине, замаскировавшись кустами лозняка. Фишка расположился рядом. Пыхтя и оступаясь в сыпучем песке, поднимаюсь к ним. Федор грозит кулаком:

– Тихо!..

Сдерживая дыхание, тяжело плюхаюсь на горячий песок. Устроившись, осторожно выглядываю.

До противоположного берега можно спокойно добросить камень. Он рядом: узкая полоска песка, с трех сторон зажатая непролазными зарослями ольшаника. На кустах белеют полотенце, платье и что-то еще, а у самой воды – две девушки. Толстуха сидит лицом к нам, подняв колени и скручивая на затылке волосы. Сначала мне кажется, что на ней белый купальник, но потом понимаю, что ничего на ней нет, а то, что я принял за купальник, – просто куски незагорелого тела. Улыбаясь, она что-то говорит второй, но слов не разобрать: рядом журчит протока.

Вторая – тоненькая, с покатыми плечами и прической, какую можно соорудить только в городе, – стоит возле. Она уже сняла платье, и то, что пока осталось на ней, невесомо и не предназначено для пляжа.

– Кино... – беззвучно шепчет Федор. – Как это называется?

Я знаю, как это называется: стриптиз. Я никогда не видел его, но наврал ребятам, что однажды попал в Дом кино на закрытый просмотр французского фильма, где под музыку раздевалась героиня. А на самом-то деле я впервые вижу девушку не в купальнике, и сердце стучит так, словно я второй час подряд машу полупудовой кувалдой.

Засмеявшись, она отводит руки за спину и, шевельнув плечами, сбрасывает лифчик. Размахнувшись, бросает лифчик к кустам, но он не долетает и мягко ложится на песок. А она вертится по берегу, приплясывает, и размахивает руками, и смеется, закинув голову. Белая девушка в розовых трусиках на желтом песке. Она танцует и поет, и сквозь безостановочное журчание воды я слышу, что она поет. Сейчас она снимет последнее, что на ней надето. Снимет, поскольку не знает, что мы лежим за кустами. Снимет и станет еще беззащитнее. И тут вдруг я подумал, что кто-то вот так же тайком подглядывает за Владленой, видит, как она раздевается, как поет и танцует для самой себя. Подумал, и мне стало жарко – кажется, я даже покраснел, – и что есть силы заорал то, что пела девушка:

– Пусть всегда будет мама!..

Что тут началось! Фишка залаял, девушки с криком бросились в кусты, а мы с Федором, пригнувшись, ринулись назад и остановились только у нашей заводи.

– Псих, – отдышавшись, говорит Федор.

Я ожидаю бури, но он молча натягивает штаны, закидывает на плечо майку и, не оглядываясь, идет к базе. Я остаюсь один.

Я понимаю, почему Федор злится: за всю жизнь я не слышал столько разговоров о «бабах», сколько наслышался за этот месяц. Все, кто приезжает к нам, словно с цепи срываются. Я слушаю всегда с замиранием сердца, ожидая, что вот-вот кто-то со вкусом, с разухабистой циничностью помянет Владлену...

И все-таки подглядывать подло. Пусть меня сколько угодно называют сопляком, мальчишкой, психом – я не играю в такие игры. Пусть я рискую навсегда потерять расположение Федора и других ребят, пусть так, но я не могу поступить иначе. Не могу и не хочу. Влажный нос тычется мне в плечо: вернулся Фишка, провожавший Федора до базы. Он очень привязан ко мне – вероятно, за то, что я первым назвал его Фишкой.

– Ну, что скажешь хорошего, пес?

Пес усиленно машет хвостом и пытается улыбаться. Конечно, было бы здорово обнаружить сейчас за ошейником записочку: «Прости, друг, ты абсолютно прав». Но с ошейником Фишка незнаком, а Федор никогда не напишет записки...

Я ложусь на спину и закрываю глаза. Солнце бьет в лицо, жаркие лучи проникают сквозь веки, и мне кажется, будто я плыву в густом розовом тумане. Он клубится, то рассеиваясь, то сгущаясь, и я сначала смутно, а потом все яснее и яснее вижу розовый песок, и розовые кусты, и розовую девушку, танцующую в розовых трусиках на розовом берегу... Я поспешно открываю глаза и сажусь: такие розовые видения мне совсем ни к чему.

Фишка чуть слышно скулит: время обеда, а за этим он следит с точностью хронометра. Я вспоминаю, что сегодня дежурю, и начинаю натягивать джинсы...

С питанием у нас дело поставлено на прочную ногу. Наш завхоз – тщедушный пожилой человечек, поросший каким-то гагачьим пухом вместо волос, – привез из города бездну свиной тушенки, а колхоз вдоволь снабдил картошкой. Завхоза все зовут Ананьичем, и никто не знает, сколько ему лет. Раздобыв тушенку и картошку, Ананьич решил, что с него хватит хозяйственной деятельности, и ударился в длительный загул.

Ананьич исчез, а тушенка и картошка остались. Правда, среди ребят ходили слухи о каком-то мешке с макаронами, но мы с Федором мешка этого не нашли. Это навело Федора на здравую мысль, что хозяйственный Ананьич обменял макароны на самогонку. Мы прекратили розыски и стали три раза в день готовить картошку с тушенкой. Поскольку готовили мы с Федором по очереди, то, естественно, могли заимствовать опыт только друг у друга. В результате естественного отбора в нашем меню утвердилось два блюда: либо мы бухали тушенку прямо в кипящую воду и таким несложным путем вырабатывали суп, либо отварная картошка перемешивалась с тушенкой, и получалось второе. Как бы там ни было, а Фишка ни разу не отравился.

От речки до базы – три минуты ходьбы. Базу мы арендуем у колхоза: два дома, где живут отцы-командиры, и длинный сарай, в котором ночуем мы. Когда испытания идут полным ходом, народу у нас много: две смены экипажей, инженеры, техники, два контрольных мастера ОТК. Тогда из колхоза, приходит повариха тетя Настя, которая готовит то же самое, что и мы с Федором, но в больших количествах. А сейчас – тишина. Никого нет.

Обычно мы помогаем друг другу: один чистит картошку, другой растапливает печь. А сегодня все наперекосяк: Федор мрачно доедает тушенку, цепляя на хлеб желтые ломти застывшего жира. Он не обращает на меня внимания, нарочно чавкает и с хрустом ломает наш зачерствевший до твердости наждачного камня хлеб.

Ну, и черт с ним! Я вскрываю вторую банку, отваливаю порцию Фишке и сажусь напротив. Молча жуем, не глядя друг на друга: холодная война.

Закончив трапезу, Федор выволакивает из сарая тяжеленный танковый брезент: им мы должны накрывать вездеход, но с молчаливого согласия руководства накрываем сено, на котором спим вповалку. Брезент дьявольски тяжел и громоздок, и Федор тащит его по земле, оставляя за собой идеально подметенную дорожку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.